

Воспоминанія о почившемъ святителѣ Ми-
хаилѣ, Епископѣ Таврическомъ и Симфе-
ропольскомъ.

Если когда, то именно по смерти человѣка живѣе воспроизводится его образъ, яснѣе обозначаются отдѣльныя черты его характера; и онъ возстаетъ предъ нами во всемъ своемъ нравственномъ величїи.

„De mortuis aut bene, aut nihil“, т. е. о мертвыхъ или говори хорошее, или — ничего, такъ говоритъ мудрая латинская поговорка. Но о почившемъ святителѣ я могу говорить только хорошее не въ силу только этого правила, но и потому, что съ другой стороны онъ не извѣстенъ: онъ весь былъ воплощенное добро. Въ моихъ воспоминанїяхъ о святителѣ не будетъ ни лести, ни преувеличенїя, а будетъ сообщено лишь то и такъ, что и какъ отпечатлѣлось въ моей памяти о немъ.

Какъ сейчасъ помню свое первое представленіе Владыкѣ. Насъ было нѣсколько человѣкъ, и всѣхъ онъ облобызалъ и всѣмъ сказалъ привѣтливое слово. Но не въ этомъ только дѣло: въ разговорѣ Владыка предупреждалъ мысль каждаго изъ насъ и велъ бесѣду съ нами, какъ съ людьми давно ему знакомыми. „Вы служили тамъ-то и совершали такое то дѣло“, обратился ко мнѣ съ вопросомъ Владыка? „Совершенно вѣрно“, было ему отвѣтомъ. Въ данномъ случаѣ не важно, какимъ путемъ мы стали из-

вѣстны ему, но важно то, что онъ о каждомъ изъ насъ интересовался и собралъ опредѣленные свѣдѣнія. Это показывало, что Владыка входилъ своимъ недремлющимъ окомъ во всѣ проявленія окружающей жизни, что и не замедлило впоследствии подтвердиться.

Доступность и ласковость его были неизмѣримы. Въ какой бы часъ ни явиться къ нему, онъ всегда, если могъ, принималъ посѣтителя. Ласковый взоръ и сердечная рѣчь его настолько очаровывали посѣтителя, что каждый разъ не легко было разставаться съ гостеприимнымъ Владыкою, и все хотѣлось подольше бытъ около него и слушать его. При этомъ, удивительная вещь, — человѣкъ чувствовалъ себя настолько легко и отрадно, такая получалась, если можно выразиться, полнота духовная при бесѣдѣ съ Владыкою, что, при выходѣ оттуда, посѣтитель готовъ былъ обнять братски весь міръ. Этотъ секретъ нужно приписать вліянію Владыки: душа его была полна любви и производила подъемъ духовныхъ силъ въ посѣтителя.

Особенно это впечатлѣніе сильно выступало во время служенія съ нимъ въ церкви: здѣсь подъ конецъ службы въ душѣ сослужащаго возникало такое возвышенное чувство, что никакое перо не въ состояніи изобразить его. Нужно было въ это время видѣть Владыку: онъ, при служеніи, отрѣшенный отъ всего земного, былъ весь какъ-бы духъ и молитва. Его кроткіе глаза, молитвенно обращенные къ небу, его спокойныя, мягкія движенія, его голосъ, звучащій призывомъ любви, словомъ — все его духовное существо говорило, что онъ становился далекимъ „отъ міра сего“, что духъ его въ это время виталъ въ сферахъ небесныхъ. Оттого каждое слово его, каждый звукъ его голоса при служеніи вливались въ душу слушателей теплою, благоухающею волною, и жилили, и согрѣвали ее, и влекли къ неземному, святому, доброму.

Послѣ литургіи, Владыка обыкновенно приглашалъ сослужащихъ къ себѣ на чай: его слова „милости прошу“ всегда звучали такою искреннею добротою и простотою... Разговоры, во время чая, были разнообразныя; но каждую мысль обыкновенную, каждое явленіе Владыка освѣщалъ съ

такой стороны, что сущность ихъ часто представлялась совѣмъ въ другомъ видѣ.

Прощаніе его съ нами бывало самое любезное; оттого, я думаю, между прочимъ и хотѣлось каждому изъ насъ видѣться съ нимъ. И надо отдать ему справедливость: Владыка не только принималъ у себя, но дѣлалъ охотно и визиты другимъ. Въ 1897 году, когда болѣзнь еще не сложила его въ постель, на Святой недѣлѣ онъ сдѣлалъ массу визитовъ, что стоило ему не малаго труда, такъ какъ мѣсто жительства иныхъ приходилось подолгу розыскивать. Я убѣжденъ, что посѣщенія Владыки были свѣтлымъ праздникомъ для каждаго, кого онъ удостоивалъ ихъ: простое его обращеніе, ласковая рѣчь очаровывали каждаго.

Почившій святитель Михаилъ былъ человѣкъ высокихъ идеаловъ, отрѣшившійся отъ міра, но въ то же время всецѣло посвятившій себя на служеніе тому же міру. Убѣжденія его были вполне опредѣленно сложившіяся, твердыя. Оттого такъ непреклонно было разъ принятое имъ рѣшеніе потому или другому вопросу. „Я иду впередъ и назадъ не возвращаюсь“ — слова, нѣкогда сказанныя имъ, какъ нельзя болѣе характеризуютъ его съ этой стороны. Это однако не значить, что человѣкъ въ этомъ случаѣ является какъ бы рабомъ своихъ убѣжденій; совѣмъ не то; это значить, что въ извѣстномъ случаѣ человѣкъ нравственно, въ сознаніи своего служебнаго и нравственнаго долга, не можетъ отступить отъ рѣшенія, признаваемаго имъ правильнымъ и соответствующимъ пользѣ дѣла.

На этомъ-то основаніи нельзя было и обижаться на приговоры и рѣшенія Владыки: они были у него, такъ сказать, вымучены, составляли выраженіе его идеаловъ и убѣжденій. Принимая это во вниманіе, намъ уже легко примирить его иногда строгое, безповоротное рѣшеніе съ его добротою, съ его любовію къ людямъ. Потомъ, нужно знатъ и нравственное состояніе человѣка, ставящаго то или другое рѣшеніе: я увѣренъ, что Владыка прежде, чѣмъ рѣшиться въ серіозномъ случаѣ сдѣлать суровое постановленіе, терзался всѣми его послѣдствіями, и такія рѣшенія стоили ему многихъ мучительныхъ часовъ и безсонныхъ ночей. Я нарочно остановился на этомъ вопросѣ особенно:

невѣрнымъ рѣшеніемъ его можно безвинно набросить тѣнь на свѣтлую личность почившаго Владыки.

Итакъ, Владыка Михаилъ былъ человѣкъ идеальный въ лучшемъ смыслѣ этого слова: опредѣленный, стойкій, нелицемѣрный. Его богатый и пытливый умъ еще въ юности искалъ правды среди хитросплетенныхъ узоровъ человѣческихъ сужденій, нашелъ ее, усвоилъ и укрѣпилъ въ себѣ. Съ высоты ея онъ смотрѣлъ на все окружающее, какъ орелъ, парящій въ небесной дали, и все замѣчалъ зоркимъ своимъ взглядомъ, и все вѣсилъ на вѣсахъ пріобрѣтенной имъ мудрости. Несомнѣнно, его должно признать передовымъ человѣкомъ нашего времени. Онъ былъ человѣкъ всесторонне образованный, съ богатымъ запасомъ знаній и, что всего важнѣе, былъ искренне и глубоко вѣрующій. Съ этой стороны его должно поставить въ образецъ всѣмъ такъ называемымъ образованнымъ людямъ, у которыхъ нерѣдко гордость ума вытѣсняетъ изъ сердца истинную любовь къ Богу и людямъ, а вмѣстѣ съ нею—вѣру и надежду, столь необходимыя въ жизни.

Неудивительно послѣ этого, если онъ нашелъ успокоеніе душѣ своей въ евангеліи и принялъ на себя званіе Епископа православной церкви. Другими словами: онъ посвятилъ самого себя на служеніе единой и вѣчной Истинѣ—Господу Богу. Кратковременно было его служеніе, продолжавшееся только 4 года; но кто можетъ оцѣнить качество его служенія, кромѣ Самого Создателя? Онъ былъ подобенъ ясной, кроткой звѣздѣ, взошедшей на вечернее небо съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же и спуститься за горизонтъ, но тѣмъ сильнѣе онъ оставилъ по себѣ впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ слѣдъ его святительскаго служенія былъ слишкомъ ясенъ и свѣтелъ, чтобы забыть его. Имѣя живой характеръ, Владыка никогда не оставался въ бездѣйствіи. Чувствуя, что годы, даже дни его жизни сочтены, онъ какъ бы спѣшилъ окончить предназначенную ему работу на землѣ.

И какихъ только сторонъ жизни не коснулся Владыка за свое управленіе Таврической епархіей! Прежде всего было обращено вниманіе на распространеніе просвѣщенія въ народъ въ духѣ православной вѣры. И вотъ, по мысли

Преосвященнаго, во многихъ мѣстахъ Таврической епархіи возникаютъ церковно-приходскія школы. Школы возникали тамъ, гдѣ въ нихъ ощущалась наибольшая нужда: гдѣ ихъ или совсѣмъ не было (по деревнямъ, отдаленнымъ колоніямъ), или было недостаточно. Насажденіе школъ весьма радовало Владыку, и неоднократно онъ давалъ благословія и благодарности инициаторамъ и руководителямъ этого дѣла.

Нерѣдко онъ посѣщалъ школы самъ, и хорошее веденіе школьнаго дѣла доставляло ему удовольствіе, а его посѣщеніе въ своемъ родѣ составляло праздникъ для учителей и школьниковъ. Послѣдніе, дѣтскимъ сердцемъ чувствуя любовь Владыки, наперерывъ сѣвшили высказать ему свои знанія и заслужить хоть одно ласковое слово его или одобреніе. Какъ они были рады получить отъ него по крестикъ или по маленькой книжкѣ для чтенія: они цѣловали его благословляющую руку и даже полы одежды его. Любилъ и Владыка ихъ: его цѣнные взгляды, сердечная простая рѣчь къ нимъ, окрыляющая ихъ духъ, снисходительное отношеніе, все говорило о томъ, что онъ для нихъ какъ отецъ чадолюбивый.

Полагаемъ, что образъ Владыки надолго запечатлѣется въ дѣтскихъ сердцахъ. Съ цѣлю поднятія того-же образованія въ народѣ, были умножены такъ называемые „вечерніе курсы“, для занятія учителей со взрослыми, и праздничныя внѣцерковныя или внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ. При миссіонерскомъ комитетѣ былъ основанъ книжный складъ, для продажи и безмездной раздачи книгъ народу.

Таврическая епархіа заражена язвою сектантства, одинаково вредоносною какъ для организма церкви православной, такъ и для организма государства. Въ огражденіе православныхъ отъ сей язвы заведены были въ Таврической епархіи православныя приходскія братства. Уставъ для этихъ братствъ былъ выработанъ въ епархіальномъ миссіонерскомъ комитетѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ. При обсужденіи проекта устава, въ засѣданіяхъ комитета присутствовалъ самъ Владыка и принималъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Начинались засѣданія обыкновенно

съ 5 часовъ вечера и продолжались нерѣдко до 11 часовъ ночи. Нужно удивляться, — какъ Владыка, при своемъ слабомъ здоровьи, проведши предварительно день въ непрерывномъ трудѣ, могъ быть такимъ живымъ и дѣятельнымъ до поздней ночи. Что съ нимъ происходило потомъ дома, мы не знаемъ, но вотъ образчикъ, чтъ съ нимъ произошло однажды въ засѣданіи комитета.

Владыка живо бесѣдовалъ съ членами комитета, отвѣчалъ на всѣ вопросы и возраженія; онъ былъ веселъ и оживленъ. Но вдругъ онъ схватился одною рукою за сердце, а другою поднесъ платокъ ко рту и кашлянулъ: мнѣ не видно было, что Владыка усмотрѣлъ на платкѣ, но онъ поблѣднѣлъ, глаза его потускнѣли и все остальное время засѣданія онъ сидѣлъ уже молча, печально смотря на обуржающее. По приѣздѣ домой, у него открылось кровохарканіе. Этотъ и многіе подобные случаи могутъ свидѣтельствовать, что Владыка, дѣйствительно, не щадилъ своихъ силъ на служеніе дорогой своей паствѣ. Но не для одной только паствы были труды его: онъ скорбѣлъ и о заблудшихъ овцахъ Церкви Христовой и къ возвращенію ихъ въ лоно Церкви принималъ возможные мѣры. Эти мѣры были болѣе всего чисто пастырскія, отеческія: слово кротости, растворенное любовью, увѣщаніе отъ чистаго сердца, обличеніе сектантскихъ заблужденій и утвержденіе истинъ св. православной вѣры, воздѣйствіе на патриотическія чувства сектантовъ — вотъ тѣ стимулы, при посредствѣ которыхъ Владыка имѣлъ намѣреніе возвращать отпавшихъ въ Церковь. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, съ какою искреннею добротою, съ какою ласкою обращался Владыка къ сектантамъ, желая имъ духовной пользы.

Въ маѣ 1897 года, посѣщая свою православную паству, Владыка не забылъ и заблудшихъ, и къ нимъ было направлено его слово, растворенное любовью.

Въ это время онъ между прочимъ посѣтилъ села: Ново-Васильевку и Астраханку, Бердянскаго уѣзда. Въ нихъ гнѣзятся молокане разныхъ толковъ и штундисты. Какъ сейчасъ помню, передъ Троицею церковію с Ново-Васильевки собралась огромная толпа народа, въ яркихъ одеждахъ, для встрѣчи Владыки. Впереди, у ограды, выстроились

представители отъ молоканъ, а затѣмъ отъ православныхъ съ хлѣбомъ и солью. Всѣ напряженно ждали; но вотъ раздался колокольный трезвонъ, и карета Владыки мѣрно выехала изъ за хать и приближалась къ церкви. Владыка вышелъ изъ кареты и подошелъ къ встрѣчавшимъ. Молокане (съ штундистами) — сейчасъ къ нему съ хлѣбомъ и солью. „А отъ кого вы?“ спросилъ Владыка. Мы — отъ молоканъ. „Ну, такъ извините: хлѣба вашего принять не могу“ — Владыка! Развѣ мы не такіе же христіане, какъ и другіе, развѣ и мы не одному Богу вѣруемъ, развѣ и мы не соблюдаемъ заповѣдей Божіихъ? кричали сектанты. „Вы — христіане, кротко отвѣчалъ Владыка, только не моего стада: мы съ вами вѣруемъ одному Богу, но неодинаково исполняемъ Его заповѣди, и сравнить васъ съ своими чадами я не могу. Если я приму хлѣбъ-соль отъ васъ, то что скажутъ овцы моего стада? (при этомъ Владыка обвелъ глазами православныхъ и указалъ рукою). Если я васъ сравню съ ними, то какой примѣръ подамъ имъ?“ — Владыка! отъ насъ всегда и всѣ принимали хлѣбъ и не брезговали нами. — „Я поступаю по своему внутреннему убѣжденію и повѣрьте, что я и люблю васъ, и скорблю за васъ, и готовъ даже душу свою положить за ваше возвращеніе въ св. Церковь, но принять теперь хлѣбъ-соль отъ васъ, по истинѣ, не могу“. Сектанты опять хотѣли что-то сказать, но въ это время къ нему подошелъ съ хлѣбомъ-солью старшина православный. Онъ сказалъ ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ и поднесъ хлѣбъ-соль. Владыка милостиво поблагодарилъ за честь, перекрестился, поцѣловалъ хлѣбъ и, принявъ его, передалъ своему келейнику. Затѣмъ, благословивъ народъ, вошелъ въ храмъ, и началась все-ночная. Послѣ нея онъ говорилъ въ церкви рѣчь народу, гдѣ коснулся и сектантовъ. Ночевалъ онъ у священника Соколовскаго, гдѣ представлялись ему земскіе начальники и сектанты. Послѣдніе, при разговорѣ съ Владыкою, должны были убѣдиться въ желаніи имъ добра и въ любви къ нимъ Владыки. Едва ли онъ хорошо отдохнулъ въ эту ночь, а на утро онъ былъ уже въ Астраханкѣ, гдѣ служилъ литургію и освящалъ воду у церкви (день преполовенія). Здѣсь онъ также говорилъ слово православнымъ и сектантамъ.

И хорошо, и задушевно было его слово! Вслушиваясь въ тонъ и смыслъ его рѣчи, каждый искренній слушатель долженъ былъ бы понять, что рѣчь Владыки дышала непритворной христіанской любовью, и что онъ, на самомъ дѣлѣ, готовъ даже самого себя положить за благо другихъ. Въ это время онъ весь былъ любовь и правда.

И тѣмъ безотраднѣе, тѣмъ грустнѣе было наблюдать, что сектанты на святой, братскій призывъ Владыки отвѣчали или гордымъ, враждебнымъ взглядомъ, или полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь Владыки ихъ вовсе не касалась. Таково нравственное огрубѣніе сектантовъ. Какъ залось бы, что и черствое сердце должно было растаять подь свѣтлымъ и теплымъ лучемъ Владычняго взгляда, а русскіе сектанты остались тѣмъ же холоднымъ и мрачнымъ камнемъ, какъ и были.

По возвращеніи изъ храма, когда Владыка отдыхалъ отъ трудовъ у священника Дмитровскаго, къ нему явились сектанты — штундисты подь предводительствомъ главари, Зиновія Захарова. Послѣдній, отъ лица сектантовъ, заявлялъ Владыкѣ, вышедшему на крыльцо, что миссіонерскій комитетъ неправильно считаетъ ихъ штундистами, что они такіе же молокане, какъ и всѣ, что они просятъ Владыку измѣнить рѣшеніе комитета. Владыка спокойно имъ разъяснилъ, что это зависитъ не отъ него, что сами факты говорятъ за правду, и все время кротость и любовь не повидали Владыки. А сектанты шумѣли, волновались... И невольно всходило на мысль: неужели эти люди настолько огрубѣли, что ни одно благотворное духовное зерно, ни одинъ лучъ свѣтлой благодати не въ состояніи проникнуть въ ихъ душу, оживить, исправить и сдѣлать ихъ сосудомъ правды?!

И больно становилось за будущее сихъ русскихъ людей, и плакало что-то въ глубинѣ сердца...

Каково же было при этомъ сердцу Архиерея, чувствительному, отеческому, идеально-прекрасному!

Изъ Астраханки Владыка отъѣхалъ въ Б.-Тогмакъ и др. села, а оттуда въ Корсунскій монастырь, откуда возвратился, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ мая. До августа

его здоровье было сносно, а съ этого времени болѣзнь его въ своемъ развитіи шла гигантскими шагами и завершилась въ истекшемъ году мирною смертію его (19 августа 1898 г.).

Можно думать, что побѣдъ его по епархіи, въ сырое время (тогда былъ ежедневный дождь), подорвало его и безъ того некрѣпкое здоровье. Цѣлый годъ, при тяжелой мучительной болѣзни, томился Владыка въ нашемъ грѣшномъ мірѣ, но не переставалъ заниматься текущими дѣлами, и только за 3 недѣли до смерти въ помощь ему былъ присланъ Преосвященный Никонъ, Епископъ Вольскій. Однако и теперь онъ не оставался безучастнымъ: лежа на смертномъ одрѣ, онъ все же духомъ радовался и печалился за свою паству. О дѣлахъ Владыки Михаила можно было бы написать много, но мы не задавались подобною дѣлю и потому заканчиваемъ наши о немъ воспоминанія.

Тяжела и горька утрата Преосвященнѣйшаго Епископа Михаила; онъ былъ чистый, нѣжный свѣтильникъ на христіанскомъ небосклонѣ; такихъ людей немного и являются они нечасто. Тяжело имъ въ здѣшнемъ мірѣ, но уповаемъ, что, по окончаніи многотруднаго земного поприща, по волѣ Божіей, водворятся они въ горнихъ селеніяхъ, гдѣ уготовано для нихъ упокоеніе, миръ и радость „о Дусѣ Святѣ“. Здѣсь же, на землѣ, да будетъ ему вѣчная и свѣтлая память!

Таврическій епархіальный миссіонеръ, священникъ
Павелъ Тихвинскій.